

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.18>

Боровкова Татьяна Юрьевна

ФЕНОМЕН ВЕЧНОЙ ЗАГАДОЧНОСТИ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Статья посвящена многогранности восприятия природы одной из самых известных американских поэтесс - Эмили Дикинсон. Цель работы заключается в том, чтобы выявить особенности толкования Э. Дикинсон темы природы в различных стихотворениях, написанных на разных этапах ее творческого пути. Автор обращается к текстам природной лирики Э. Дикинсон, проводя их подробный лингвистический и семантический анализ и уделяя особое внимание тем из них, где природа изображается как непостижимая сила. Рассматриваются возможные причины такого "феномена загадочности". В результате делается вывод о восприятии поэтессой природы как системы, устройство которой почти всегда неподвластно пониманию обычного человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 83-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-145

Дата поступления рукописи: 03.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.18>

Статья посвящена многогранности восприятия природы одной из самых известных американских поэтесс – Эмили Дикинсон. Цель работы заключается в том, чтобы выявить особенности толкования Э. Дикинсон темы природы в различных стихотворениях, написанных на разных этапах ее творческого пути. Автор обращается к текстам природной лирики Э. Дикинсон, проводя их подробный лингвистический и семантический анализ и уделяя особое внимание тем из них, где природа изображается как непостижимая сила. Рассматриваются возможные причины такого «феномена загадочности». В результате делается вывод о восприятии поэтессой природы как системы, устройство которой почти всегда неподвластно пониманию обычного человека.

Ключевые слова и фразы: Эмили Дикинсон; природная лирика; стихотворения о природе; тема природы; загадочность природы.

Боровкова Татьяна Юрьевна, к. филол. н.
Воронежский государственный университет
t.borovkova@bk.ru

ФЕНОМЕН ВЕЧНОЙ ЗАГАДОЧНОСТИ ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

В творчестве Эмили Дикинсон – крупной фигуры американской и мировой поэзии – тема природы, несомненно, была одной из центральных и одновременно едва ли не самой многогранной. Поэтесса писала о схожести человека и природы и об их непреодолимых отличиях, о справедливости мироздания и о его бесконечной жестокости, о видимом нам мире как воплощении божественного начала и о своих вечных сомнениях в существовании Бога как такового. Но именно вечная загадочность природы словно красной нитью проходит почти через всю лирику Эмили Дикинсон. Именно этим обусловлена **актуальность** настоящего исследования. **Научная новизна** же его заключается в осуществлении системного (в том числе лингвистического) анализа природной лирики поэтессы с целью выявления основной ее доминанты. Для достижения этой цели следует проследить трактовку темы природы в стихотворениях Эмили Дикинсон и сделать выводы о прямо или косвенно выражаемой в них авторской позиции – в этом и состоят **задачи** нашей статьи.

Явный пример отношения Э. Дикинсон к природному миру – стихотворение-загадка о змее “A pagtow Fellow in the Grass” (стихотворение № 986 [9, p. 459]). В нем есть такие строки:

*Кое-кого из Природного Народа
Знаю я, и они знают меня –
Я испытываю к ним
Дружеские чувства... (здесь и далее, если не указано иначе, подстрочный перевод стихотворений и писем автора статьи. – Т. Б.).*

И в тот момент, когда читатель уже видит в лирической героине «доверенное лицо» природы, появляется следующая строфа, которая опровергает это мнение:

*Но, когда встречаю этого Парня,
В компании или в одиночестве,
Учащается дыхание
И холодеет все внутри...*

Удивительно, как быстро легкий, игривый тон стиха, именующего змею “Fellow” и описывающего, как трава перед ней раздвигается, будто волосы от гребешка (в оригинале “The Grass divides as with a Comb”), сменяется волнением (“a tighter breathing”), и уже в следующей, последней строке – ощущением ледящего душу страха (“Zero at the Bone”). Грань между любезной дружественностью и угрозой настолько тонка, что ее не сразу можно заметить.

Очевидно, что полного единения лирическая героиня явно не достигла, да и возможно ли оно? Представляется, что природа для Э. Дикинсон порой просто не поддается осмыслению. Кстати, один из основоположников трансцендентализма – Р. У. Эмерсон (чье литературно-философское влияние не могла не испытать на себе даже поэтесса-затворница) – также писал о том, что «лишь немногие взрослые люди способны видеть природу» [7, с. 180].

Нередко в творчестве Э. Дикинсон встречаются «стихотворения-загадки», в которых поэтесса описывает то или иное явление природы, не называя его. Так, в стихотворении № 15 (“The Guest is gold and crimson”) [9, p. 13] описывается закат, который «опускается на город вечером, останавливается у каждой двери», а потом исчезает в «страну жаворонков и чибисов»:

*Гость золотой и алый –
Опаловый и серый –
Его камзол из Горносталя –*

*Его Плащ пестрый –
Он добирается до города в сумерках –
Он останавливается у каждой двери –
Кто ищет его утром
Я прошу его – исследуйте
Чистую территорию Жаворонка
Или Чибисовый берег!*

В другом стихотворении (№ 25) [Ibidem, p. 18] цветок спит в колыбели под деревом, одетый в костюм «карминного цвета» (“She slept beneath a tree – // Remembered but by me”); в третьем (№ 1397) [Ibidem, p. 598] ветер появляется, когда природа в опаловом переднике перемешивает свежий воздух (“Nature was in an Opal Apron, // Mixing fresher Air”). Даже англоговорящий человек не всегда сразу опознает описываемый в стихотворении объект, а предмет некоторых стихотворений до сих пор не разгадан читателями и исследователями, которым остается лишь делать предположения. Таким образом, Э. Дикинсон акцентирует внимание как на удивительной красоте природы, так и на ее загадочности, неподвластности ее человеческому разуму.

Похожая идея высказывается в стихотворении “I can't tell you – but you feel it” («Я не могу сказать тебе – но ты это чувствуешь») (№ 65) [Ibidem, p. 34]. Несмотря на то, что это одно из ранних произведений поэтессы, в нем налицо свойственный всему ее творчеству иронично-насмешливый тон, даже в отношении Бога, который здесь изображается как учитель, тщетно пытающийся научить святых на небесах тому, что такое на самом деле «апрельский день». “Not for me – to prate about it!” («Не мне – болтать об этом!») – восклицает лирическая героиня. Поэтесса уверена – сближение с природой никогда не может быть полным. Даже вполне закономерный процесс обновления природы порой вызывает у человека изумление:

*Так, из почвы,
Алые и Золотые,
Поднимаются Луковицы,
Лукаво спрятанные
От прозорливых взглядов.
Так, из Коконів
Множество Червячков
Весело выпрыгивают,
Крестьяне, такие как я,
Крестьяне, такие как Ты,
Взирают удивленно!*

Анализируя стихотворение № 1400 (“What mystery pervades a well”), можно также отметить отчужденность человека и природных явлений: колодец неким таинственным образом приносит воду из «другого мира», наполняя рукотворный «сосуд», аналогично тому, как душа «наполняет» тело [8, p. 48]. Заглядывая в колодец, человек сталкивается с пропастью, бездной, что вызывает у лирической героини чувство благоговейного страха и трепета, тогда как для травы – отмечает поэтесса – это соседство нормально и естественно: «Я удивляюсь каждый раз // Мужеству травы. // Прильнет к тому – что нас страшит // В безвестное обрыв» [9, p. 599]. Возможно, причиной такого контраста восприятия является то, что для травы бездна не символизирует смерть и небытие, как это происходит в людском сознании. Таким образом, трава, которая даже описывается в тексте стиха местоимением “he”, превосходит человека в степени общности с мирозданием. Однако однозначного мнения об осознанности такой общности у Э. Дикинсон нет. Известные строки “The Grass so little has to do // I wish I were a Hay –” (стихотворение № 333) [Ibidem, p. 459] будто бы говорят о бессознательности травы, которая со временем становится душистым сеном – и не более того. Тем не менее образ травы также является традиционным символом трансцендентализма, и С. Д. Павлычко отмечает идентичность символики образа травы у Э. Дикинсон и У. Уитмена. С этим нельзя не согласиться. Так, Уитмен в «Песне о себе» пишет:

*Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой травой,
Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя под подошвами.*

Э. Дикинсон также представляет жизнь после смерти в виде «островка травы», неизвестного никому, кроме жуков (стихотворение № 290) [Ibidem, p. 134]:

*Пусть эта Пышность – просто Цирк –
Но сей Спектакль чудный –
Будет – безумно – развлекать – Столетия –
Когда меня – давно не будет –
Как Островка – среди Травы –
Знакомого Жукам – не Людям
(перевод С. Рабинович).*

Эти строки немаловажны, так как указывают на возможность сближения, даже слияния, пусть и посмертного, человека и природы. Тем не менее показательно, что это сближение все же не является сознательным,

а трава в английском тексте характеризуется прилагательным “dishonored” (вероятно, в значении “lowly; humble” – по *ED Lexicon*, то есть “without honours”). Очевидно, поэтесса полагает, что слияние с природой после смерти не возвышает человека – это лишь элемент закономерного цикла.

Похожая точка зрения высказывается в стихотворении, посвященном молнии (стихотворение № 1173) [Ibidem, p. 521]:

*Оранжевая вилка –
Нож – книзу острием.
Роняет Молнию рука
В небесном доме том –
Что нам не явлен до конца
И до конца не скрыт.
Незнание видит лишь прибор –
А стол – во тьме накрыт*
(перевод В. Марковой).

Первые две строки напоминают детский стишок с интересной метафорой: молния – желтая вилка, случайно оброненная с небесного стола. Однако уже последняя строка первой строфы указывает на то, что эта «вилка» не так уж безобидна (“the awful Cutlery”), а вторая строфа и вовсе заявляет, что, несмотря на яркость, молния отнюдь не освещает для нас небесные тайны, которые вовсе и не являются тайнами. Конечно, они не демонстрируются открыто, но и не скрываются специально (“never quite concealed”); просто мы, в силу своего невежества (“ignogance”), не в силах их рассмотреть.

Однако поэтесса не всегда столь пессимистична относительно способностей человека применительно к пониманию природы. Обратимся к стихотворению № 668 [Ibidem, p. 332], которое, на наш взгляд, представляет собой один из образцов наиболее глубокого осмысления природы в лирике Э. Дикинсон:

*“Nature” is what we see –
The Hill – the Afternoon –
Squirrel – Eclipse – the Bumble bee –
Nay – Nature is Heaven –*

*Nature is what we hear –
The Bobolink – the Sea –
Thunder – the Cricket.
Nay – Nature is Harmony –*

*Nature is what we know –
Yet have no art to say –
So impotent Our Wisdom is
To her Simplicity. /*

*Природа – тебя мы видим:
Вечер – Гребни холмов –
Белка – Затмение – Мотылек –
Нет – ты Небо само!*

*Природа – тебя мы слышим:
Боболинк – Океан.
Кузнечик – Пчела – Молния –
Нет – ты сама Гармония!*

*Природа – тебя мы знаем –
Но в слова – не вместим.
Не дотянется все наша Мудрость
До твоей Простоты*
(перевод В. Марковой).

Первое, на что следует обратить внимание, – весьма специфическая с точки зрения формы структура стихотворения. В авторском тексте оно не делится на строфы, хотя по смыслу его можно разделить на три основные части, которые начинаются предложениями с параллельной структурой: “Nature is what we see”, “Nature is what we hear” и “Nature is what we know”. За каждой из анафорических конструкций, напоминающих тезисы, следуют перечисления, а затем – простое предложение, контрастирующее с высказанным тезисом, вводимое коротким “nay”. Поэтесса словно спорит сама с собой, и этот спор воссоздается отрывистыми предложениями, междометиями: “«Nature» is what we see – // The Hill – the Afternoon – // Squirrel – Eclipse – the Bumble bee – // Nay – Nature is Heaven”. Последний же катрен представляет собой необычное для поэтической манеры Э. Дикинсон сложное предложение с внутренней логической структурой и связями: “Nature is what we know – // Yet have no art to say – // So impotent Our Wisdom is // To her Simplicity –”. Поэтесса пользуется приемом обманутого ожидания, когда после третьей анафорической конструкции читатель, ожидая найти очередное перечисление (на сей раз того, что мы знаем о природе), сталкивается с выводом, данным в форме аксиомы – без примеров, без доказательств.

Содержательная сторона здесь столь же глубока. Попытки толковать и классифицировать природу как нечто зримое или слышимое, с точки зрения Э. Дикинсон, не приближают человека к подлинному пониманию ее истинной сущности, ибо сущность эта – не только и не столько в многообразии природных явлений, сколько в системном характере тесных связей между ними. Чтобы показать это, поэтесса перечисляет максимально разнородные элементы (холм, полдень, белка, затмение, шмель – как примеры «видимого», и боболинк, море, гром, сверчок – «слышимого»), и потом, при помощи короткого, хлесткого “Nay” (not only so; not this alone; intimating that something is to be added by way of amplification [10]), что примерно соответствует русскому «и даже больше того») и следующего за ним знака тире совершает «прыжок» к едва ли не максимальному уровню абстракции: от шмеля – к Небесам, от сверчка – к Гармонии.

Здесь мы считаем необходимым обратиться к пунктуационному оформлению стихотворения. В нем семнадцать знаков тире и лишь одна точка (в конце последней строфы). Интересно также и то, что все знаки

тире выполняют различные функции. Первое тире (“Nature is what we see –”) вводит перечисление и является грамматически обусловленным. Однако все члены перечислений вместо запятой также разделяются знаком тире (“The Hill – the Afternoon –”). Поэтесса словно показывает, что приводимые ею примеры – лишь одни из множества проявлений безграничного разнообразия природных форм. Тире делают паузы более долгими, создают практически ощутимое пространство между феноменами проявления Природы. И. И. Ковтунова в своей работе о поэтике знаков препинания отмечает, что знак тире может выступать как «семантически соединяющий» и «семантически разъединяющий» [5, с. 335-336]. Действительно, читая строки стихотворения Э. Дикинсон, мы испытываем двойственное чувство: все эти белки, холмы, затмения различны и в то же время едины по своей природе, неразрывно связаны. При помощи тире они объединены в единое целое – и одновременно разведены.

То, что каждое перечисление заканчивается не точкой, а тире, также не случайно. Этот знак препинания, акцентируя незавершенность, словно подчеркивает бесконечность, безграничность Природы в ее многочисленных проявлениях, не уместающихся ни в одно перечисление.

Еще одно тире – после междометия “Nay” – несет значительную эмоциональную нагрузку. Оно служит мощным ритмическим «выделителем» и призвано выявить конструктивную связь, целостность высказывания и в то же время вычленив наиболее существенный в коммуникативном плане элемент, который можно определить как рему первой степени (“Nature is Heaven”).

Постановка тире после каждого из таких рематических элементов (“Nature is Heaven –”, “Nature is Harmony –”) тоже имеет большое значение: она демонстрирует, что и этими на первый взгляд окончательными выводами сущность природы вовсе не ограничивается. Поэтесса снова при помощи тире разрушает границы, показывая, как слова словно «растворяются» в молчании, и пытаясь выразить то, что невозможно вместить в слова. Создается эффект, подобный смене кадров в кинематографе: «Пауза, обозначенная тире, образно воспроизводит время, в течение которого говорящий переходит от одного впечатления к другому, переводит взгляд с одного предмета на другой» [Там же, с. 335].

Наконец, в последнем катрене, который представляет собой сложное предложение, состоящее из трех простых, также используются два тире. Первое из них, в сочетании с союзом “yet”, является маркером контраста, парадокса; второе выделяет элемент, вступающий в обстоятельственные отношения со всей предыдущей частью высказывания, то есть является своеобразным сигналом компрессии смысла. Действительно, две последние строки стихотворения выражают причину, объясняют, почему человек не может по настоящему понять, вникнуть в устройство природы: “So impotent our Wisdom is // To her Simplicity”. Тире, поставленное перед этим высказыванием, играет также немаловажную роль с точки зрения актуального членения высказывания: оно делает причину особенно акцентируемой, значимой; и наоборот – особая значимость этой, без сомнения, ключевой для всего стихотворения (да и для всего творчества поэтессы в целом) фразы требует особого оформления.

Поэтесса как будто заявляет, что способность к познанию природы в человеке заложена изначально, но его «мудрость» становится препятствием на пути к верному восприятию окружающего мира и единению с ним. Об этом свидетельствует употребляемое поэтессой существительное “art” (“Nature is what we know – // Yet have no art to say”), которое определяется в словаре как “skill, dexterity, or the power of performing certain actions, acquired by experience, study or observation” [10]. Итак, дело не в том, что у человека нет врожденной способности к пониманию мира, а в том, что у него не хватает «опыта» выражения этого понимания.

В другом, более позднем стихотворении № 1389 [9, р. 596] Э. Дикинсон также не отрицает способности человека «сыграть на гитаре Природы», уточняя, однако, что играть нужно крайне осторожно и лишь зная нужную мелодию:

*Дотрагивайся до сладкозвучной Гитары Природы осторожно
Если не знаешь Мелодии,
Иначе любая Птица скажет о тебе,
Что ты поспешил стать Певцом.*

Эта идея поэтессы кажется осмыслением еще одной идеи трансцендентализма: в эссе «Природа» Р. Эмерсон пишет: «Из природы мы узнаем больше, чем можем заставить себя выразить» [7, с. 194]. Природе же, подчеркивает Э. Дикинсон, не нужны слова:

*Мы проходим, а она остается,
Мы соединяемся с Ее Умением,
А Она создает и объединяет
Без единого слога
(стихотворение № 811) [9, р. 394].*

И без ярких, выразительных речей природа более ясно и убедительно выражает мысли, нежели красноречивые философы:

*Радуга никогда не предвещает
Ветра и бури,
Но она более убедительна,
Чем Философия
(стихотворение № 97) [Ibidem, р. 48].*

Тем не менее порой создается впечатление, что таинственность природы преднамеренна:

Природа кажется спокойной,

А иногда – великой,

Но стоит нашему вниманию притупиться –

Ее деятельность расширяется (стихотворение № 1170) [Ibidem, p. 520], – пишет поэтесса, снова придавая природе несколько мистический, таинственный характер.

Таким образом, поэтесса убедительно доказывает точку зрения на природу как на непонятный и закрытый мир, полный неизведанного. Секреты этого мира разделяют все, даже самые крошечные и, на первый взгляд, незначительные творения природы – пчела, цветок, лист, травинка, ветерок, и лишь человеку они недоступны. В своих нескончаемых поисках Э. Дикинсон обращается и к причинам такого положения дел – однако и здесь однозначного ответа поэтесса найти не может. Иногда ей кажется, что виной всему – невежество человека и его изначальная неспособность проникать в суть явлений, но есть и более оптимистичные стихотворения, говорящие, что препятствием на пути к осознанию природы является необычайная многогранность последней, из-за которой человеку трудно сосредоточить свое внимание на действительно важных ее проявлениях. Наконец, не чужда поэтессе и идея о том, что природа намеренно скрывает от человека свои тайны.

Жужжание пчел, окрашенное багрянцем небо, рассвет оказывают на лирическую героиню волшебное, магическое действие, и в одном из ее стихотворений Э. Дикинсон приводит и причину этого «феномена загадочности»: в природе – Бог: «Восход – и я лечу – // Но как и почему – // В чем сила этих крыл? // Тот – кто меня лепил – // Найдет ответ» (стихотворение № 155, перевод В. Марковой) [Ibidem, p. 73]. Очевидно, что лишь Создатель, по мнению Э. Дикинсон, может объяснить то, что неподвластно человеческому пониманию.

Список источников

1. Дикинсон Э. Лирика / сост. А. Кудрявицкий. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 384 с.
2. Дикинсон Э. Стихотворения / пер., предисл. и коммент. В. Марковой. М.: Художественная литература, 1981. 102 с.
3. Дикинсон Э. Стихотворения / пер. с англ. С. Рабинович. Екатеринбург: Лавка, 1997. 197 с.
4. Дикинсон Э. Стихотворения / пер. с англ. С. Рабинович. Екатеринбург: Лавка, 2002. 343 с.
5. Ковтунова И. И. Поэтика пунктуации (функции тире) // Язык как творчество: сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 331-339.
6. Рабинович С. Моя Дикинсон // Дикинсон Э. Стихотворения / пер. с англ. С. Рабинович. Екатеринбург: Лавка, 1997.
7. Эмерсон Р. У. Природа // Эстетика американского романтизма / ред. М. Ф. Овсянников. М.: Искусство, 1977. С. 178-224.
8. Stiles B. J. Emerson's contemporaries and Kerouac's crowd: A problem of self-location. Vancouver: Fairleigh Dickinson University Press, 2002. 179 p.
9. *The complete poems of Emily Dickinson* / ed. by Thomas H. Johnson. Boston: Little, Brown and Company, 1960. 770 p.
10. Webster N. An American dictionary of the English language [Электронный ресурс] // Emily Dickinson Lexicon. URL: <http://edl.byu.edu/webster> (дата обращения: 12.09.2018).

PHENOMENON OF ETERNAL MYSTERIOUSNESS OF NATURE IN EMILY DICKINSON'S CREATIVE WORK

Borovkova Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in Philology

Voronezh State University

t.borovkova@bk.ru

The article analyses comprehensive perception of nature in the creative work of one of the most famous American poetesses – Emily Dickinson. The study aims to identify specific interpretation of the theme of nature in E. Dickinson's poems written at different periods of her creative development. E. Dickinson's nature lyrics are subjected to detailed linguistic and semantic analysis. Special attention is paid to the poems where nature is depicted as an incomprehensible force. Possible motives for the appearance of such "phenomenon of mysteriousness" are examined. Finally, the author concludes that E. Dickinson perceives nature as a system, the structure of which is often beyond human understanding.

Key words and phrases: Emily Dickinson; nature lyrics; poems about nature; theme of nature; mysteriousness of nature.